

УДК [316.75:291.1] (322.24)

Ю. М. Биденко

ИДЕОЛОГИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВА РЕЛИГИОЗНОМУ СОЗНАНИЮ В УСЛОВИЯХ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ И ПОЛИТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Тематика идеологии давно привлекала внимание деятелей общественных наук. Наверное, назвав свои идеальные сущности «эйдосами» или «идеями», Платон впервые привлек внимание к тому разрыву, который существует между желаемым и реальностью. С тех пор человечество стремится максимально ясно выразить то, к чему стремиться, и какие шаги необходимо предпринять для достижения желаемого. Собственно, что такое идеология? Это общественная мечта, высказанная в виде научной гипотезы. Именно в виде гипотезы, поскольку готовой формулы посюстороннего идеального общества, к сожалению (или к счастью), еще не нашли. Поэтому народы вынуждены свои бессмертные мечты о "золотом веке" формулировать в потустороннем (религии) или более или менее научные гипотезы - от чингисхановского "Везде, где растет трава, будут пастись монгольские лошади..." до ленинского "... плюс электрификация всей страны". Эти мечты появляются, растут, "овладевают массами", а потом воплощаются в практику, разочаровывают и переживают крах [1]

Длительный этап в развитии человечества был связан с религиозным сознанием, где сами идеи и смыслы человеческого существования были связаны с Божественным откровением и предписанием, а конечная цель общественной и индивидуальной жизни находилась вовне.

Смена религиозной парадигмы социальными идеологиями была продуктом эпохи Возрождения и Реформации, т.е. того интеллектуального движения, которое зародилось в позднем средневековье. Обращаясь к античной литературе и к античной цивилизации, люди пытались найти в них тот опыт, на который можно было бы опереться в новой ситуации: распада единой церкви, подъема национальных государств и разрушения феодальной экономики. Феодализм как система обоюдных прав и обязанностей основывался на иерархии личных и узаконенных связей. Разница между политической властью и личными правами была весьма неопределенной. Однако по мере распада феодального порядка прерогативы управления, ранее трактовавшиеся как личное достояние правителя, постепенно отходили к государственной администрации, таким образом, управление постепенно обезличивалось. И когда этому новому феномену была придана концепция *raison d'etat*, возникло понятие современного государства.

Именно Возрождение выдвинуло концепцию самостоятельного индивидуума, или "неподвластного человека". Хотя ее создатели многим обязаны философам

Древней Греции, особенно стоикам, она была не простым заимствованием античных представлений о человеке, а новой концепцией. Профессор Рейнхольд Нибур делает акцент на ее новизне, когда пишет: «Если протестантизм – это вершина идеи индивидуализма в рамках христианской религии, то Возрождение стало поистине колыбелью внехристианской концепции и реальности – самостоятельного человека ...» [2, с. 131]

В научный оборот термин «идеология» был введен Антуаном Дестютом де Траси, одним из представителей позднего поколения французских просветителей. В своем труде «Этюд о способности мыслить» он использовал термин «идеология», чтобы охарактеризовать науку об идеях. Позднее в многотомном сочинении «Элементы идеологии» он более подробно развил это понятие. Дестют де Траси характеризовал идеологию как «науку об идеях, о том, как они возникают, и о законах человеческого мышления» [3, с. 7]. По его мнению, эта наука должна быть такой же точной, как и все естественные науки.

В самом общем плане под идеологией обычно понимают относительно систематизированную совокупность взглядов, существенной чертой которых является функциональная связь с интересами и стремлениями общественной группы. В состав идеологии входят идеи, возникшие на основе исторического опыта и условий жизни определенной социальной общности, которые особым образом отображают и оценивают действительность. В нее нередко включают и директивы к действиям, основанным на этих идеях. Последнее обстоятельство особенно характерно для политической идеологии, как комплекса идей о политической власти и о сфере политики в целом.

Эпоха Модерна, поставив во главу угла не веру, а знание, внедрение логически-рационального подхода к построению государственной системы, стала требовать научности в обозначении общественного идеала, иначе этот идеал кажется (во всяком случае, рационально мыслящему человеку) неправдоподобным и недостижимым – иначе, утопичным. В этом может состоять разница между утопией – социальной сказкой, мечтой, и идеологией – одной из теоретически достижимых возможностей реальности.

Однако именно в элементе веры и состоит отличие идеологии от науки, во всяком случае, так принято считать, хотя часто научные парадигмы становились основой для идеологии и давали ей благодатную почву. Социальные науки (особенно социология) претендуют в какой-то мере на целостность объяснения и содержат в рамках своих парадигм определенную идеологичность. Иногда, кажется, что социологические и политологические парадигмы, в рамках которой ученый воспринимает и трактует социальные процессы, являются своего рода «элитными» идеологиями узкого круга интеллектуалов. Но идеологию относят к числу малоизученных феноменов. Во-первых, она представляет собой неблагоприятный объект научного анализа, т.к., вводя понятие «идеология», ученый должен доказать, что его собственный подход свободен от идеологических пристрастий. А это очень трудно.

Более того, от многих других феноменов общественной жизни, в частности религии или политики, идеологию отличает сравнительно низкая степень институциональной оформленности, Специальные органы и законодательные нормы существ-

вуют в некоторых государствах, но их наличие во времена идеологического противостояния считалось одним из признаков тоталитаризма, но ликвидация институтов идеологического воздействия не означает исчезновения идеологии как феномена. Особо актуальной задачей на сегодняшний момент может стать рассмотрение идеологии не только в ее «классической» взаимосвязи с политической и культурной подсистемами, но и анализ новых путей создания и распространения идеологических систем, связанный с развитием средств массовых коммуникаций и глобального информационного пространства нового тысячелетия.

Попытка научного анализа идеологии была предпринята марксизмом. Согласно ему, для всесторонней оценки каждой конкретной идеологии необходимо учитывать ее социально-классовую принадлежность (буржуазная, социалистическая, демократическая и т.д.), характер отражения ею действительности (иллюзорная или научная) и выполняемые ею социальные функции, ее роль в общественной жизни (прогрессивная и революционная либо консервативная и реакционная). В классово-антагонистическом обществе отношения и столкновения различных классов находят отражение в области идеологии [4, с. 17], т.е. являются одной из форм классовой борьбы, как, например, противоборство буржуазной и пролетарской, социалистической идеологии, которая все равно остается ложной формой отражения действительности. Вместе с тем идеология обладает относительной самостоятельностью, опирается в своем развитии на имеющийся мыслительный материал, и поэтому ее связь с классовыми интересами может быть не прямой, а опосредствованной. Идеология – часть надстройки и необходимый фактор формирования идеологических (политических, правовых и др.) отношений. В сфере идеологии формируются системы ценностей различных классов, здесь они осознают свои коренные интересы, место в обществе, отношение к другим классам, формулируют и обосновывают цели и программы своей деятельности.

В политической науке предложено определение идеологии как «системы политических, экономических и социальных ценностей и идей, служащих основанием для поставки целей; последние, в свою очередь, образуют ядро политических программ» (Р. Макивер) [5, с. 47]. Но идеологию относят к числу малоизученных феноменов, она представляет собой неблагоприятный объект научного анализа, т.к., вводя понятие «идеология», ученый должен доказать, что его собственный подход свободен от идеологических пристрастий. А это очень трудно.

Немецкий ученый К. Мангейм, как и Маркс, полагал, что социальная функция идеологии реализуется в рамках отношений классового господства-подчинения. Если правящий класс пытается выдать свою познавательную перспективу (способ понимания общественно-политических явлений) за единственно истинную и пытается ее теоретически обосновать в этом качестве, то налицо духовное образование идеологического типа [6, с. 25]. По Мангейму, идеологиям противостоят утопии – духовные образования, порождаемые непривилегированными классами и выражающие их стремление к социальному реваншу. Утопии легко превращаются в идеологии, когда оппозиционные слои приходят к власти. Былая утопия при этом теряет свой радикализм и начинает, так или иначе, обосновывать неравенство.

Идеи Мангейма, впервые высказанные в 1929 г. в известной работе «Идеология и

утопия», сохраняют свое значение и по сей день. Во-первых, Мангейм преодолел свойственное Марксу чрезмерно расширительное понимание идеологии, применяя этот термин для отображения политического сознания, включенного во взаимоотношения между правящей элитой и массами. Во-вторых, немецкий социолог выделил такую важную характеристику идеологии, как ее систематизированность. В процессе социализации у человека вырабатывается совокупность логически не связанных между собой и часто взаимоисключающих представлений. Восприятие идеологии приводит к частичному вытеснению этих представлений, а оставшиеся жестко связывают друг с другом. Поэтому идеология, как правило, и претендует на научность. Была разработана структурная классификация идеологий, основанная на способе связи между отдельными ее элементами (идеологемами) и масштабах охвата идеологиями социальной реальности.

Традиционным является разделение идеологий на *рациональные* и *иррациональные*, в зависимости от уровня научной обоснованности, характера связи идеологем и способов идеологического воздействия. Также одним из видов классификации идеологий является разделение на *«правые»* и *«левые»* идеологии. На первом заседании Генеральных Штатов в 1789 г. аристократы монархисты сидели на правой стороне, а радикальные представители третьего сословия – на левой; такое расположение закрепилось во французском парламенте и в дальнейшем [7, с. 99]. Недостаток такой линейной классификации обусловлен тем, что крайние идеологии имеют схожие черты, общие идеологемы и схемы воздействия.

В зависимости от характера связи между идеологемами выделяют две основные разновидности – *открытые* и *тоталитарные* идеологии. Последние характеризуются тем, что стремятся дать объяснение всем без исключения явлениям и выработать, таким образом, целостную политически насыщенную картину мира. Человек, воспринявший тоталитарную идеологию, придает всему, что он видит, политическое значение. Такой подход хорошо передает лозунг «советское – значит, отличное». Идеологемы при этом связываются настолько прочно, что отделить одну от другой можно только аналитически. Внешняя характеристика тоталитарной идеологии – репрессивность, т.е. то, что она навязывается индивиду с помощью интенсивной пропаганды, ломающей прежнюю структуру его сознания. «Открытая» идеология описывается как прямая противоположность тоталитарной. Связь всей этой классификации с концепцией тоталитаризма вполне очевидна. Стоит отметить, что тоталитарная идеология в рамках этой концепции предстает как следствие с одной стороны и как необходимая и самая важная предпосылка установления соответствующего режима с другой. Главным недостатком подхода оказалось жесткое противопоставление двух видов. Если тоталитарная и открытая идеологии не имеют между собой ничего общего, то можно ли говорить об идеологии вообще?

Попытку дать ответ на этот вопрос предприняли ученые, работавшие в рамках структурно-функционального подхода. Была сформулирована гипотеза, согласно которой любая идеология возникает как реакция на значимое смещение социальных ролей (теория социального напряжения). В условиях изменений, в особенности затрагивающих экономическую структуру общества, человек испытывает глубокий дискомфорт и растерянность. Тут-то к нему на помощь и приходит идеология, по-

зволяющая по-новому понять и оценить свое место в обществе, а значит действовать в соответствии с новыми условиями [8, с. 6].

Толкотт Парсонс, основоположник структурного функционализма, выделял социальную интеграцию как основную цель функционирования общественной системы, а целостность и связанность элементов ценностно-нормативной подсистемы в качестве ее необходимого условия. Следует оговориться, что Парсонс не использовал термин «идеология», однако требования, выдвинутые им в отношении одной из важнейших подсистем – фидуциарной, при ближайшем рассмотрении являются аналогами характеристик такого феномена общественного сознания как идеология. «Непротиворечивость, определенность и обобщенность норм, – писал Т. Парсонс, – являются необходимым условием социетальной интеграции. Определенность и обобщенность оказываются совместимыми на высоких уровнях, если удастся использовать общие принципы для четкого определения пределов свободы и самостоятельности в действиях, а также способов соединения различных принципов при определении экспектаций для конкретных классов, ролей или действий. Уровень высокой обобщенности нормативной системы имеет первостепенное значение для сочетания высокого уровня интеграции с высокой адаптивностью в экономическом смысле и высокой эффективностью – в политическом. С другой стороны, определенность имеет первостепенное значение для мотивации участников. Неопределенность в системе экспектаций является главным источником широко распространенного типа отклонений, который Дюркгейм назвал аномия» [9, с. 366-367]. Нормы и ценности в рамках структурного функционализма не являются «раздробленными» между социальными институтами (например: ценности рыночной экономики, политические ценности), а составляют отдельную подсистему, способствующую эффективному функционированию институтов и социетальной интеграции, что сравнимо с подходами ученых, выносящих идеологию за рамки сугубо политической системы и рассматривающих ее в более широком смысле.

Однако, теория социального напряжения, возникшая в рамках структурного функционализма, не объясняет, каким именно образом эмоциональная неудовлетворенность трансформируется в идеологические конструкты. Вариант такого объяснения предлагает теория культурного напряжения, также сформировавшаяся в структурно-функциональной традиции. Приверженцы этой теории указывают на то, что смещение социальных ролей вызывает не только психологическую болевую реакцию, но – и это главное – еще и разрушение всей системы «знаков» (символов социокультурного характера), позволяющих индивиду ориентироваться в мире. Социальная реальность оказывается как бы лишенной смысла. Идеология же, пользуясь словами К. Гиртца [10, с. 24], выступает как средство возвращения смысла. В отличие от теории социального напряжения, эта теория дает возможность понять, почему идеология в зрелом виде всегда представляет собой систему ценностей и идей, а не наоборот отдельных, логически не связанных между собой идеологем. Но и здесь остается открытым важнейший вопрос: каким критерием руководствуются люди, выбирая идеологии? Почему, например, кризис Веймарской республики в Германии привел к одновременному росту влияния коммунистической и национал-социалистической идеологий, и почему последняя, в конечном счете, победила?

Очевидно, что ответить на этот вопрос невозможно. Это заставляет многих исследователей перейти от традиционного анализа социальных функций идеологии к «применению литературных и философских концепций смысла» (Х. Дракер). Представители этого направления уделяют большое внимание содержательному анализу различий между «классическими» идеологиями – марксизмом, консерватизмом и либерализмом.

С другой стороны, довольно широкое распространение получила идея о том, что в современном мире идеология исчезает (Д. Белл, Р. Арон, С. Липсет, Ф. Фукуяма) «Конец идеологии» осмысливался на рубеже сороковых и пятидесятих годов как следствие фундаментальной реконструкции общества в ходе НТР, резко ограничивающей масштабы политической борьбы внутри либеральных демократий. «Во всем западном мире есть сущностное согласие интеллектуалов по политическим проблемам: приятие государства благосостояния, принцип децентрализации управления, смешанная экономика и политический плюрализм. Это и значит, что идеологический век кончился», - писал Белл [11, с. 54]. Однако Новейшая история показывает нам, что до полной победы либерализма еще очень далеко (кстати, интересно, что альтернативой ему является не марксизм, имеющий ту же глобалистскую опору, а именно консерватизм, часто выраженный с помощью религиозного фундаментализма), даже при росте количества государств, называющих себя "демократическими", либеральные идеи имеют различное толкование в разных уголках земного шара.

Наука и реальная практика современности предоставляют возможности совместности идеологических систем, соединении принципов разных способов восприятия мира, появились образования типа феминизма, социализма в условиях демократии, национал-либерализма и т.п. Ранее идеология определялась как целостно-замкнутая система, которая объясняет не только то, каким должно быть восприятие мира, но и каким оно не должно быть ни в коем случае [12, с. 84]. Иначе, разрушается системная целостность данного феномена, и идеология теряет свою «монополию на правду» (именно на правду, а не на истину, т.к. правда подразумевает не только истинность определенных суждений, но и их ценностное измерение). Но в современном мире новой чертой идеологической системы является диффузность, что связано с отходом от ценностей модерна с его научно-рациональным типом познания и восприятия и девелопментализмом.

Таким образом, обращение к проблематике идеологии является актуальным на общетеоретическом уровне, принимая во внимание изменения геополитического пространства, разрушение биполярности мира (в том числе идеологической), глобализационные процессы и динамику мирового информационного пространства. Происходящие цивилизационные сдвиги приводят к активному поиску нового формата идеологических систем, политики «нового пути». Пересмотр выдвигаемых на рассмотрение вопросов необходим также и для трансформирующихся посткоммунистических обществ, находящихся в поиске собственных образов идеологической системы, в процессе "революционного" пересмотра старых правил государственного строительства и геополитического выбора.

Список литературы

1. В. Радаев. Об истоках и характере консервативного сдвига в российской идеологии. <http://www.russ.ru/antolog/inoe/radaev.htm/radaev.htm>.
2. Купцов Р.С. Взгляд и нечто: эссе на тему идеологии. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2001. – №3. – С. 126 – 146.
3. Желтов В.В. Политические идеологии. – М., 1996. – 86 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. – 2-е изд. - Т. 3. – М.: Гос издат. политической литературы, 1955. – с. 7 – 544.
5. История политических и правовых учений. / Под ред. О.Э. Лейста. – М., 2000. – 688 с.
6. Мангейм К. Идеологии и утопии. Пер с нем. – М.: Наука, 1994 – 349 с.
7. Партии и партийные системы современной Европы. – М.: ИНИОН РАН, 1994, – 220 с.
8. Панасюк Б. Основы идеологии общественной жизни // Экономика Украины. – 1999. – №12. – С. 4 – 15.
9. Парсонс Т. Американская социология. – М.: Прогресс, 1972. – С. 360 – 379.
10. Кива А.В. Духовность и преодоление кризиса // Общественные науки и современность. – 2001. – №2 – С. 20 – 30.
11. Белл Д. Конец идеологии // Новое время. – 1990. – № 24. - С. 48 – 61.
12. Ильин. М.В. Умножение идеологий или проблема «переводимости» политического сознания // Пол.Ис. – 1997. – №4 – С. 78 – 87.

Рецензент: науковий керівник доктор політичних наук, професор кафедри політології Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна Півнева Л.М.

Поступило в редакцію 27 юня 2005 г.